

А. КИЗЕВЕТТЕР

Первое пятилетие правления Екатерины II

Екатерина вступила на престол, охваченная модными идеями века, почерпнутыми ею из произведений «просветительной» философской литературы XVIII ст. Вольтер был ее «духовным отцом». «Дух законов» Монтескье служил ей политическим евангелием. «Свобода» и «уравнение всех в правах» — таковы были лозунги, которые она в качестве ученицы французских «философов» начертала на своем знамени, и эти лозунги обязывали к коренным преобразованиям всего политического и социального строя тогдашней России.

Екатерина и поставила себе целью: 1) подвести под власть русского монарха правомерные основы и тем уничтожить «деспотизм» и 2) отменить крепостное право на крестьян, т. е. в корне видоизменить всю социальную структуру России на началах социального равенства. Этими стремлениями был вдохновлен ее «Наказ», в котором она, излагая свое политическое *profession de foi*¹, не только воспроизводила основные идеи трактата Монтескье, но и заимствовала оттуда дословно целые обширные тирады. Этими стремлениями были проникнуты и преобразовательные мероприятия, которые она намечала и осуществляла в течение первого пятилетия своего правления. А затем произошел крутой поворот в направлении всей ее политики. Екатерина вдруг резко и решительно повернулась спиной к идеалам своей юности и стала проводить политику, прямо противоположную существу этих идеалов. Свободолюбивые мечтания сменились в ней приверженностью к последовательному абсолютизму, а вместо отмены крепостной зависимости крестьян она пошла по пути расширения и закрепления социальных привилегий дворян-дусшевладельцев, став в полном смысле этого слова «дворянской царицей».

Почему же произошел этот крутой поворот в направлении политики Екатерины?

Господствующая схема гласит, что Екатерина сдала все свои первоначальные идеологические позиции и изменила идеалам своей молодости под давлением дворянского общественного мнения и ради обеспечения своей власти от возможных столкновений с командующим сословием. Уже первые критики ее «Наказа» из среды крупных вельмож, которым она показывала свое произведение еще в черновом виде, обрушились на нее за неслыханный радикализм ее воззрений. Панин сказал ей: «это суть положения, могущая разрушить стены». Другие критики также отнеслись к ее трактату, как к своего рода разрывной бомбе. И Екатерина после этого многое выпустила из первоначальной редакции своего «Наказа». Еще более сильное впечатление произвела на Екатерину последовавшая затем непосредственная ее встреча с представителями общества в лице избранных депутатов в Комиссии, созванной ею в 1767 г. для изготовления проекта нового государственного уложения. Речи дворянских депутатов в этой комиссии и те наказания, коими избиратели этих депутатов снабдили, показали Екатерине, что дворянство, это господствовавшее в тогдашней России сословие, нимало не сочувствует ее преобразовательной программе. Политический либерализм не находил никакого отклика в среде дворянства, а какие бы то ни было попытки не то что отменить, но даже и сколько-нибудь ограничить крепостное право на крестьян встречали в этой среде самые резкие протесты.

И Екатерина почувствовала, что упорствовать в проведении ее свободолюбивой программы было бы для нее весьма небезопасно. Ведь она добыла себе корону путем дворцового переворота. Титул ее властвования был более, чем эфемерен. Среди дворянской знати существовали влиятельные группы, вовсе не одобрявшие произведенного ею насильственного захвата престола. В первые годы правления Екатерины она вовсе не чувствовала себя прочно обосновавшейся на престоле. Ступени ее трона сильно качались и сотрясались. Время от времени вскрывались попытки заговоров против ее власти. Благоразумно ли было бы при таких условиях идти на полный разрыв с господствующим сословием? Екатерина не имела никакого расположения ставить свою власть под риск, она прежде всего хотела во что бы то ни стало царствовать, и, почуввав опасность, не задумавшись, спустила флаг своей свободолюбивой программы и во все дальнейшее время своего царствования пошла на буксире у влиятельных кругов дворянского сословия. Она стала «дво-

рянской царицей» и утвердила самодержавную монархию на основе крепкого союза самодержавного трона с земле- и душевладельческим дворянством, а всю тяжесть создавшегося таким образом положения должны были нести на себе крепостные крестьяне, зависимость которых от власти господ достигла в век Екатерины высшей точки своего развития.

Таково объяснение общего хода политики Екатерины, которое вы часто можете встретить в общественных толках и заметные отголоски которого попадают и в ученых книгах и статьях. С этой точки зрения появление Екатерины на русском троне рассматривается как своего рода внезапное сотрясение в органическом ходе государственных отношений в России XVIII ст. Начиненная передовыми идеями века, вычитанными из французских книжек, Екатерина своими первыми заявлениями и начинаниями, как бы сказать, спутывает все карты текущей политики, руководимая убеждением, что достаточно будет мановения ее руки, чтобы произвести полный переворот в строе русской государственной жизни на началах философского радикализма. Первое пятилетие ее правления и рассматривалось не раз с точки зрения, как столкновение смелых замыслов Екатерины с сопротивлением косной русской действительности, которая в конце концов одержала победу над новаторскими устремлениями Екатерины, и Екатерина, отложив в сторону мечты, выраженные в «Наказе», капитулировала перед русской действительностью.

Соответствует ли вся эта схема историческим данным? Встреча Екатерины с представителями русского дворянского общества в Комиссии 1767 г. вызвала ли тот предполагаемый резкий перелом в направлении политики Екатерины, который нередко принимается за отправную точку при общей характеристике ее царствования?

Ответа на эти вопросы надлежит искать в тщательном изучении политики Екатерины именно за то первое пятилетие ее правления, которое предшествовало созыву Комиссии 1767 г. Действительно ли идеи и мероприятия Екатерины за это первое пятилетие представляют собою резкий контраст с направлением ее последующего законодательного творчества?

В дальнейшем изложении я и позволю себе сопоставить ряд фактов, проливающих свет на эти вопросы. Факты эти все известны, но к освещению их не всегда подходили достаточно правильным путем, чем и объясняется успех вышеизложенной схемы, нуждающейся, по моему мнению, в основательной переработке.

Нет никакого сомнения в том, что Екатерина в течение своего царствования всегда стремилась опираться на широкие круги дворянского сословия. Но нужно сейчас же прибавить, что для сближения с этими кругами ей вовсе не было надобности ломать первоначальную систему своих воззрений. Цветы и блески философской идеологии, которыми была изукрашена эта система под влиянием прочитанных Екатериною книг, вовсе не делали первоначальные воззрения Екатерины несогласимыми с настроениями и устремлениями дворянской массы того времени. Об этом свидетельствуют и первые правительственные начинания Екатерины, и содержание самого ее «Наказа», в котором она изложила свое политическое credo².

Бросим взгляд на то и другое. Через несколько дней после воцарения Екатерины был издан так называемый «Обстоятельный манифест» (не вошедший в Полное собрание законов), в котором императрица давала обещание: «узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтобы и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка»³.

Здесь в очень осторожных и общих выражениях давался намек на предстоящую замену самовластья (которое в том же манифесте ставилось в особую вину только что низвергнутому Петру III) закономерным порядком управления. И вот встает вопрос, что именно Екатерина разумела под этим ограничением органов власти законными пределами, как далеко склонна была Екатерина в этот момент идти по пути замены самовластия закономерными формами государственной жизни?

В первые же месяцы нового царствования разыгрался эпизод, бросающий свет на этот вопрос. Осторожный Панин несколько приоткрыл свои карты, собственноручно написав доклад о необходимости учреждения «Императорского Государственного Совета». В этом докладе Панин указывал на то, что при существующем устройстве российского государства попечение об общих пользах и о подготовке новых законов сосредоточено «в одной персоне государевой». Но «государь, — продолжал Панин, — может это попечение о благе общегосударственном производить в полезное действие» не иначе, как при условии «разумного разделения власти законодательства между некоторым малым числом избранных к тому единственно персон». Без этого государственные интересы неминуемо становятся игрищем прихотей фаворитов и «случайных припадочных людей» и во всей государственной жизни водворяется дух произвола и самовластия. Во

избежание укоренения этого пагубного беспорядка Панин и считал нужным учредить «государственное верховное место лежащей или законодания» и наименовать его «Императорским Советом».

Этот Совет Панин предлагал составить из шести персон по назначению государыни (Екатерина приписала: от шести до восьми), в том числе четверо именуются статс-секретарями внутренних дел, иностранных дел, военного и морского департаментов. В Совет поступают проекты законов и все дела, принадлежащие «до собственного попечения самодержавной власти». Совет по всем этим делам высказывает свои суждения, а государыня «самодержавным повелением определяет последнюю резолюцию». Всякое высочайшее повеление контрастируется одним из статс-секретарей. Панин составил и проект манифеста об учреждении этого Совета. Там говорилось, что это нововведение направлено на то, дабы впредь государственной жизнью руководила «не сила персон, а власть мест государственных»⁴.

Этот проект Панина вызвал сильные колебания в Екатерине. Есть данные о том, что в августе 1762 г. учреждение Совета считалось делом решенным, но к концу этого месяца Екатерина как будто от этой мысли отказалась. В декабре проект снова всплыл на поверхность. 28 декабря Екатерина подписала и акт Учреждения Совета и манифест и уже назначила весь личный состав нового учреждения. Но потом подпись Екатерины была надорвана и все дело было оставлено без осуществления. Причин этого мы доподлинно не знаем. Однако мы знаем следующее. Проект Панина был дан на предварительное заключение ряда сановников. Эти заключения до нас дошли. В одном из них, неизвестно кому принадлежащем, было сказано, что автор проекта «тонким образом» склоняется к переходу от монархического образа правления к аристократическому и что надо «недреманным оком» смотреть, дабы не повторилась попытка «верховников» 1730 г. ограничить самодержавие. А генерал-фельдцейхмейстер Вильбоа в своем отзыве уже прямо заявил, что осуществление проекта Панина явится угрозой самодержавию. Панин, очевидно, предвидел такие возражения и в своем проекте заранее подчеркивал, что никакого желанья ограничить самодержавие в его проекте не заключается. Но, по-видимому, Екатерина поверила не Панину, а его оппонентам и это-то именно обстоятельство и погубило проект. Недаром в секретном наставлении генерал-прокурору кн. Вяземскому она указала, что среди высших сановников есть две партии: одни — честных правил, а другие питают опасные замыслы, и при этом прибав-

ляла: «иной думает для того, что он долго был в той или иной земле, то везде по политике той его любимой земли все учредить должно».

Вопреки таким замыслам, Екатерина сразу стала на страже неограниченного самодержавия, и на поверку в течение ее царствования получила преобладание та самая «сила персон», от которой предостерегал Панин и которая выразилась в пышном расцвете фаворитизма.

Сразу отпрянув от всего, что могло бы хотя отдаленно напоминать о подготовке какой-то политической реформы, Екатерина в течение первого пятилетия своего правления провела некоторые административные преобразования и в центральном и в местном управлении. Реформы, введенные тогда в устройство некоторых центральных учреждений (главнейшая из них состояла в разделении Сената на департаменты), лишены были какого-либо идеологического элемента. То были чисто технические частичные перестройки административного механизма, и для целей нашего исследования они не представляют особенного интереса. Для нас важнее коснуться мероприятий и проектов, посвященных управлению местному.

21 апреля 1764 г. было обнародовано «Наставление» губернаторам (ПСЗ, № 12137. Собственноручные поправки Екатерины к черновому тексту в Сборн. Истор. Общ., т. VII). Этот акт интересен для нас тем, что в его основу положены те самые начала, которые получили дальнейшее развитие в законодательстве второй половины царствования Екатерины. Без преувеличения можно сказать, что издание этого Наставления представляло собою не что иное, как отдаленный приступ к будущему «Учреждению о губерниях» 1785 г. Вместо резкого поворота в направлении политики Екатерины мы открываем в этом случае непрерывную нить, которая связывала между собою обе половины ее царствования. Губернатор по «Наставлению» 1764 г. есть несомненный эмбрион наместника по «Учреждению о губерниях» 1785 г. И там и здесь построение высшего органа власти, поставляемого во главе местного управления, исходит из одного и того же начала бюрократической децентрализации управления. Губернатор по «Наставлению» 1764 г. совершенно так же, как и Наместник по «Учреждению о губерниях» 1785 г., именуется «хозяином и опекуном губернии». Его компетенция всеобъемлюща, она охватывает все стороны местной жизни, его власти одинаково подчинены все местные жители, как служащие, так и не служащие, и в то же время он совершенно, подобно наместнику 1785 г., поставлен в положение независимое от

центральных государственных учреждений. Он совершенно не подчинен центральным коллегиям. По первоначальному проекту «Наставления» он подчинялся только императрице, Екатерина после прибавила: «и сенату»⁵. Указы губернатор принимает от императрицы и Сената.

В основе этого порядка лежала идея того самого приближения власти к местному населению, о необходимости которого впоследствии вопияли депутаты в Комиссии 1767 г.

В 60-х годах XVIII ст. в правящих сферах шло весьма оживленное обсуждение проектов реформы местного управления, и проф. Ю. В. Готье, исследовавший все выдвинутые тогда в этом отношении проекты, пришел к любопытному заключению. Эти проекты, с одной стороны, во многих существенных вопросах предвосхищали основы «Учреждения о губерниях» 1785 г., а, с другой стороны, примыкали к аналогичным проектам, выдвигавшимся еще в царствование Елизаветы. Так, в 60-х годах при Екатерине Яков Петрович Шаховской, поставленный во главе комиссии по выработке новых штатов для местных административных учреждений, выдвинул проект переустройства местного управления, извлеченный проф. Готье из архива, в котором на первом плане намечалось широкое участие в местном управлении выборных представителей от местного дворянства. И этот проект Шаховского Готье ставит в прямую связь с также открытым им в архиве проектом П. И. Шувалова, который еще при Елизавете в одной из своих записок проектировал комбинацию коронных властей в губернии и выборных в уезде, очень близкую к той комбинации, которая и была осуществлена в «Учреждении о губерниях» 1785 г.⁶

Итак, по отношению к вопросам о переустройстве управления мы получаем следующие итоги. Никакого столкновения между предполагаемым политическим радикализмом Екатерины и предполагаемой политической косностью депутатов Комиссии 1767 г. мы в области этих вопросов не находим. Депутаты 1767 г. не интересовались политической реформой и принимали за исходную точку всех своих рассуждений наличную форму правления. Но ведь и Екатерину никак нельзя признать, — уже в эту пору ее увлечения просветительной философией, — противницей самодержавия. Эпизод с проектом Панина достаточно ярко свидетельствует об этом. Ученица Монтескье твердо стояла на том, что самодержавие для России необходимо. А в отношении реформы административной Екатерина уже до созыва Комиссии 1767 г. обсуждает, готовит, а в некоторых отношениях отчасти и осуществляет те самые планы преобразований, на

которых затем будут настаивать депутаты в 1767 г. Децентрализация управления, приближение власти к местному населению, широкое участие выборных представителей местного дворянства в местном управлении, — все эти начала были поставлены на очередь в правящих сферах уже в первое пятилетие царствования Екатерины, и не из философских книжек почерпала Екатерина положительную оценку этих начал, а из... проектов предшествующего Елизаветинского царствования.

И вот распространенное представление о том, что до созыва Комиссии 1767 г. Екатерина царил на высотах радикализма, рискуя вступить в распрю с требованиями сословного эгоизма дворянства, пока во имя самосохранения не отвернулась от своих идеалов, — это представление как будто блекнет и испаряется. Для своего «Наказа» Екатерина извлекла целые тирады из «Духа Законов» Монтескье, а для своих практических мероприятий она обращалась... к русским прецедентам Елизаветинского царствования. И, как далее увидим, тут даже не было со стороны Екатерины столь сильного внутреннего противоречия, как это может показаться с первого взгляда.

Итак, по отношению к вопросам административной реформы нет оснований утверждать, что Екатерине пришлось сузить размах своей первоначальной программы под давлением общественного мнения, обнаружившегося в Комиссии 1767 г., и перевести свою законодательную работу на иные рельсы. Дело в том, что сама первоначальная программа Екатерины в этой области вовсе не была шире и выше тех устремлений, которые были выдвинуты представителями тогдашнего общественного мнения.

Распространенное воззрение ищет и в социальной политике Екатерины какого-то перелома, совпавшего со встречей императрицы с выразителями дворянского общественного мнения в 1767 г. До этой Комиссии Екатерина — согласно этому воззрению — отдавалась мечтам об уравнивании сословий, об отмене крепостного права, а почувствовав истинные настроения дворянства, она круто переменяет фронт и превращается в «дворянскую царицу».

Так ли было на самом деле?

Вскоре по воцарении Екатерина послала Панину следующую записочку: «я запомывала давеча вам сказать, что много роптания меж дворянства о неконфирмации их вольностей, и надлежит о том не позабыть приступ сделать» (Сб. Ист. Общ., т. VII).

Итак, дворянство желало, чтобы новая императрица подтвердила манифест Петра III о «вольности дворянской»⁷. Но

Екатерина тогда же пошла еще дальше навстречу дворянству. В феврале 1763 г. она учредила «Комиссию о русском дворянстве» и на эту Комиссию возложила задачу переработать манифест Петра III⁸ в смысле дальнейшего расширения дворянских преимуществ. 18 марта 1763 г. названная Комиссия представила императрице свой доклад, который по своему содержанию представляет несомненный зародыш Жалованной Грамоты дворянству 1785 г. Так и этот второй после «Учреждения о губерниях» важный законодательный акт второй половины царствования Екатерины был задуман в своих общих основаниях еще до созыва Комиссии 1767 г., еще как раз в то время, когда Екатерина препарировала тирады из «Духа Законов» для своего «Наказа».

В названном докладе предлагалось включить в новый закон о дворянстве ряд сословных привилегий. Рассматривая их, легко различить в них три группы: 1) такие привилегии, которые уже были даны дворянству манифестом Петра III о вольности дворянской, а именно: свобода служить или не служить и во всякое время покинуть службу и свобода выезжать в другие страны и даже поступать на службы к иноземным государям лишь с обязательством по первому вызову вернуться в отечество; 2) такие привилегии, которые расширяли круг прав, установленных для дворянства манифестом Петра III, и которые впоследствии вошли в Екатерининскую Жалованную Грамоту дворянству 1785 г., а именно: свобода от телесного наказания, свобода от внесудебных наказаний, отмена конфискации дворянских имений и полная свобода распоряжения своими имениями в полном составе всех их угодий. Наконец, 3) привилегии, которых не значилось в манифесте Петра III и которые не были признаны и последующим законодательством Екатерины II, а именно: отмена получения дворянства выслугою чина, право дворян поселяться в чужих государствах вечно с освобождением их от присяги и российского подданства, при условии предварительной продажи ими их имений и внесения в казну десятой доли вырученной от той продажи суммы.

11 октября 1763 г. Екатерина повелела Комиссии о дворянстве сочинить законы на основании выраженных в ее докладе предложений. Дело это затем приостановилось ввиду решения созвать депутатскую комиссию для составления нового государственного уложения. Как известно, эта комиссия и выработала «Проект прав благородных», легший в основу Жалованной Грамоты 1785 г.

Рассказанный эпизод ясно показывает, что и в этом вопросе никакого столкновения между желаниями дворянства и первоначальной программой Екатерины не произошло.

Подготавливая еще до созыва Комиссии 1767 г. расширение манифеста Петра III о вольностях дворянства, Екатерина за первые пять лет своего правления издала кроме того несколько указов в духе расширения дворянских преимуществ. То были указы о выпускании дворян со службы непременно офицерским чином, хотя бы они того и не выслужили, «дабы им перед недворянами иметь преимущество» (1762 г.); о праве помещиков сдавать их людей в каторжную работу (1765 г.); указ о возвращении помещикам их беглых людей, нанятых в голштинскую службу (1762 г.); установление в уставе о винокурении 1765 г. монопольного права дворян на курение вина. Все это очень далеко от каких-либо эгалитарных устремлений. А когда в первые годы правления Екатерины многие дворянские имения были охвачены крестьянскими волнениями, 3 июля 1762 г. Екатерина издала манифест, в котором заявила: «намерены мы помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять и крестьян в должном повиновении им содержать».

Нельзя отрицать, что Екатерина в эти годы размышляла о некотором вмешательстве законодательной власти в строй крепостных отношений и даже предпринимала попытки привлечь к этому вопросу внимание общества. Но какого свойства были эти попытки? Как далеко они шли? Можно ли на основании их утверждать, что в направлении мыслей Екатерины по этому вопросу впоследствии произошел резкий перелом?

Еще будучи великой княгиней, Екатерина как-то раз набросала на лоскутке бумаги следующие строки: «противно христианской вере и справедливости делать невольниками людей; они рождаются свободными». И далее, тут же она написала, что ею найдено самое простое средство безболезненно упразднить крепостное право: стоит только при каждом переходе имения в руки нового владельца объявлять поселенных в том имении крестьян свободными. В течение ста лет все имения неизбежно переменяют владельцев, и таким образом через сто лет от крепостного права останется одно воспоминание.

Из этого наброска видно, что даже в пору наибольшего увлечения свободолобивыми идеями Екатерина отодвигала уничтожение крепостного права на целое столетие (как раз именно через сто лет оно и уничтожилось, только не тем путем, о каком мечтала Екатерина), отнюдь не собираясь отменять его сразу при своей жизни. В той же заметке есть еще одна весьма важ-

ная фраза: внезапною отменою крепостного права, пишет Екатерина, отнюдь нельзя было бы заслужить любви землевладельцев, исполненных упрямства и предрассудков. Это было написано не только до созыва Комиссии 1767 г., но и до дворцового переворота, доставившего Екатерине корону.

Итак, она вообще никогда не помышляла отменить крепостное право наперекор землевладельческому дворянству.

А затем и в своих предположениях лифляндскому дворянству в 1765 г. и в конкурсной теме, предложенной Вольно-экономическому обществу в 1766 г., Екатерина поднимает в той или иной форме вопрос лишь о некотором урегулировании крепостных отношений, о нормировке размера крепостных повинностей, о предоставлении крепостному крестьянину права собственности на те или иные виды имущества.

Тема, предложенная ею Вольно-экономическому обществу, гласила: «что полезнее, — чтобы крестьянин имел в собственность землю или токмо движимое имущество?» Часто предполагают, что сама Екатерина склонялась к первому решению этой дилеммы. Но это прямо опровергается замечаниями Екатерины на письма Голицына именно о предоставлении крепостным крестьянам права собственности на землю.

Итак, программа Екатерины в крестьянском вопросе с самого начала сводилась в сущности к ограничению законом размера крепостных повинностей. Конечно, помещичья масса относилась к этой идее совершенно отрицательно, как это и показал провал в Комиссии 1767 г. предложения Коробьина. Но все же ничего неслыханного в этой идее не было. Еще при Анне ее выдвигал на очередь сенатский обер-прокурор Маслов. И сама Екатерина в первые же годы своего правления получала от разных лиц докладные записки о необходимости этой меры, см., например, записки Елагина, Петра Панина, замечавшего, что размеры крепостных повинностей «выходят за пределы сносно-сти человеческой», и др.

Ко всему сказанному выше надо прибавить, наконец, указания на ряд обширных государственных мероприятий, выдвинутых Екатериной, еще не дожидаясь созыва уже задуманной Комиссии по составлению государственного Уложения. Эти мероприятия, касавшиеся различных сторон государственной жизни, тем не менее явственно объединялись некоторой общей социальной программой, клонившейся к удовлетворению интересов именно дворян-землевладельцев. Любопытно при этом отметить, что все эти меры представляли собою не что иное, как развитие в широком масштабе начинаний Елизаветинского

царствования. Я разумею — генеральное межевание, заселение иностранными колонистами пустующих южных и юго-восточных окраин Европейской России и секуляризацию духовных имений.

Мысль о генеральном межевании была выдвинута при Елизавете Петром Шуваловым и тогда же был сделан скромный опыт ее осуществления. Опыт не удался, а Екатерина подхватила эту оборвавшуюся было нить, видоизменила с пользой для дела основы этого мероприятия и выдвинула его во всероссийском размере, начиная с 1765 г.

На Елизаветинское царствование упадают и первые серьезные опыты вызова иностранных колонистов для заселения окраин Европейской России. И опять-таки Екатерина дала этому делу широкое развитие, создала для этого особое ведомство — «Канцелярию Опекунства иностранных», возглавленную ее фаворитом Орловым, и таким образом, хотя и с громадными затруднениями и убытками для казны, была таки создана целая сеть иностранных колоний преимущественно в Нижнем Поволжье.

Наконец, и вопрос о секуляризации духовных имений не был впервые поставлен Екатериной. Он имел длинную историю, и начало ее восходит еще к временам Московского государства. Решительные шаги в этом направлении были сделаны при Петре Великом и при Анне. Благочестивая Елизавета отменила было все сделанное в этом отношении при Анне, а кончила тем, что в конце своего царствования восстановила распоряжения Анны. Петр III в сущности уже предрешил вопрос о полной секуляризации. И Екатерине оставалось только довести это дело до окончательного практического выполнения, что она и сделала к 1764 г.

Так, выполняя все эти крупные меры, Екатерина действовала вовсе не в качестве ученицы Вольтера и Монтескье, пересаживающей на русскую почву цветы французского философского свободомыслия, а в качестве прямой продолжательницы Елизаветы, а отчасти даже и собственного своего нелепого супруга Петра III. И при этом легко видеть, что все эти меры не только не заключали в себе никакого повода для конфликта Екатерины с дворянством, но прямо наоборот. Генеральное межевание было встречено дворянством с великим удовольствием, как это ярко выражено, например, в мемуарах Болотова. И в самом деле, эта мера отвечала насущным интересам землевладельческого класса; неопределенность границ владения порождала постоянные столкновения между соседями, которые

весьма нередко приводили к настоящим форменным сражениям между спорящими. Помещики выводили друг на друга целые армии вооруженных крестьян и дворовых людей, разыгрывались битвы, и лилась кровь. Можно себе представить, как приятно жилось под вечным страхом вооруженных вторжений беспокойного соседа в ваши владения и как важно было закрепить за собою прочно и неподвижно определенные межи. А сверх того самая процедура межевания открывала возможность помещикам, опираясь на хитросплетенные толкования многочисленных параграфов межевой инструкции, а то и просто посредством стачки с межевщиком, примежевывать к своим владениям обширные пространства из пустопорожных казенных дач. В мемуарах Болотова почти художественно изображено, как это делалось. Все это достаточно объясняет нам тот энтузиазм, с которым такие помещики, как Болотов, с головою ушли в межевые операции, выхваляя матушку-царицу, двинувшую осуществление этого дела.

Не так наглядно устанавливается связь между колонизацией юго-восточных степей выписанными из-за границы иностранцами и интересами русских помещиков. Но при внимательном рассмотрении дела эту связь нельзя не нащупать.

Следя за ходом этого дела, невольно спрашиваешь себя: зачем было предпринимать сложную и дорогую охоту за иностранными колонистами для заселения пустующих степей, когда само русское крестьянское население всегда обнаруживало сильную тягу к черноземному югу из пределов малопродуктивного центра? Отчего было не использовать этого движения в колонизационных целях?

Но дело в том, что русское крестьянство было тогда привинчено к этому малопродуктивному центру крепостным правом, и Екатерининское правительство, налегая на заселение окраин иностранными колонистами, тем самым становилось на страже интересов дворянского душевладения: ведь эти интересы требовали как раз преграждения крестьянскому населению возможности находить себе приют от крепостной неволи в свободных пространствах заманчивого юга.

Наконец, и секуляризацию дворянство приветствовало с удовольствием и с радужными надеждами. Дворянство питало немалые виды на земли, отбираемые от церквей и монастырей. Екатерина была засыпана дворянскими проектами в этом духе. Президент коллегии экономии кн. Гагарин предлагал всех бывших монастырских крестьян отдать дворянам по 100, по 500 и по 1000 душ каждому. Нечто подобное предлагал и Сиверс. Та-

кие же вождедения встречаем и в наказах дворянским депутатам 1767 г. Правда, таких прожектеров ожидало разочарование. В виде общего правила, секуляризованные имения при Екатерине не поступали в частную раздачу, а были причислены к казенным землям. Однако только в виде общего правила. Отдельные случаи отдачи экономических крестьян в частное владение были и при Екатерине. А при Павле для составления командорственных имений для кавалеров российских орденов земли и крестьяне были взяты из ведомства коллегии экономии, т. е. из состава секуляризованных имений.

Но и помимо этих отдельных случаев секуляризация, как общая мера, все же входила в тот самый круг мер, к которому принадлежали и генеральное межевание, и устройство колоний иностранцев. Нужды нет, что Екатерина экономических крестьян, за исключением отдельных немногих случаев, в крепостную зависимость не раздавала. Но пополнение кадра государственных крестьян экономическими крестьянами облегчало для Екатерины возможность продолжать и даже намного увеличить пожалования в крепостную собственность частным лицам многочисленных душ из числа других разрядов государственных крестьян. И очень хорошо известно, как широко пользовалась Екатерина этой возможностью в течение всего своего царствования. Из таких пожалований составлялись колоссальные земельные богатства у тех счастливых, по которым скользнул луч благоволения императрицы.

Окидывая теперь общим взглядом всю совокупность правительственных мероприятий Екатерины за первое пятилетие ее правления, мы видим, что эти мероприятия слагались в последовательную цепь, выражавшую определенную политическую программу. Сущность этой программы может быть формулирована так: неограниченное самодержавие, опирающееся на привилегированное земле- и душевладельческое дворянство. Легко видеть, что для восприятия такой программы не было и надобности подниматься на высоты философского радикализма. Это была своя, туземная, русская программа, заложенная при Анне и последовательно выполнявшаяся при Елизавете в полном согласии императорского правительства с дворянской массой. Недаром мы имели возможность установить прямую связь мероприятий первого Екатерининского правления с прецедентами Елизаветинского царствования. А вторая половина царствования Екатерины была наполнена, как мы это тоже видели в предшествующем изложении, такими законодательными мерами, которые являлись лишь развитием и завершением начинаний

этого первого пятилетия. Ни спускаться с философских высот на плоскую землю, ни капитулировать перед нажимом дворянского общественного мнения Екатерине не приходилось просто потому, что ее собственная первоначальная программа с дворянским общественным мнением и не расходилась.

Правда, в отличие от своих предшественниц на трон, Анны и Елизаветы, Екатерина усердно рядилась в перья просветительской философии. Но это нисколько не мешало ей продолжать политику своих предшественниц, которые и не думали претендовать на репутацию коронованных философов.

Впрочем, необходимо обратить внимание еще и на другую сторону занимающего нас вопроса. Я уже заметил выше, что между увлечением Екатерины идеями просветительской философии и программой ее внутренней политики, согласованной с туземными прецедентами, и не заключалось большого противоречия. Что касается Вольтера, которому поклонялась юная Екатерина, то этот страстный борец за свободу совести был в вопросах политических и социальных весьма далек от радикализма. Он являлся идеологом просвещенного абсолютизма, и Екатерине не трудно было согласовать преклонение пред своим «духовным отцом» с своей самодержавно-дворянской политической программой.

Сложнее обстоит дело с отношением Екатерины к политическим идеям Монтескье. Надо, однако, иметь в виду, что легенда, начало которой положено было самой Екатериной в ее переписке, о том, что «Наказ» Екатерины есть чуть ли не сплошной плагиат из «Духа Законов», не соответствует действительности. Дословное сличение выписок Екатерины из «Духа Законов» с текстом ее источника, произведенное Ф. В. Тарановским⁹, показало, что Екатерина мало заметно для беглого взгляда ретушировала текст Монтескье в духе собственных воззрений, когда они не совпадали с воззрениями Монтескье. Так, пользуясь проводимым у Монтескье различием между монархией и деспотией, Екатерина вставляет в соответствующую тираду, взятую из «Духа Законов», несколько словечек, которые придают мысли Монтескье новый оттенок и дают возможность заостреннее отличить от деспотии не только монархию закономерную, но и монархию самодержавную.

Так заравнивается пропасть, которую порой предполагали между первоначальным увлечением Екатерины идеями просветительской философии и ее последующей «трезво-деловой» политикой.

В вопросе социальном Екатерина с большим сочувствием воспринимала идеи Монтескье о важности закрепления за дворянством привилегированного положения, но совершенно не желала замечать, что Монтескье говорит о привилегиях дворянства в монархии закономерной, где привилегированному дворянству он отводит роль политического буфера, ограждающего государственный строй от возможных узурпаторских поползновений со стороны верховной власти.

Вместо того Екатерина говорила о социально-экономических привилегиях дворянства, как опоры самодержавной власти монархии. Иначе говоря, она под видом плагиата из Монтескье в сущности перелицовывала его доктрину в стиле той программы, которую выдвинуло в 1730 г. русское шляхетство в противовес верховникам и которая затем легла в основу последующей социальной политики русского императорского правительства XVIII ст.

Остается вопрос об отношении автора «Наказа» к крепостному праву. Долго господствовало убеждение, что в тех параграфах первоначальной редакции «Наказа», которые были вычеркнуты Екатериной по требованию ее вельможных критиков, заключались указания на необходимость отмены крепостного права.

Но когда в академическом издании «Наказа» под редакцией Чечулина эти выпущенные места были обнародованы, то оказалось, что и в первоначальной редакции об отмене крепостного права не было речи. И там Екатерина не шла дальше нормировки размера крепостных повинностей и признания за крепостными крестьянами права собственности на движимость.

Переделки, произведенные Екатериной в этих местах первоначальной редакции «Наказа» по настоянию вельмож, и состояли в значительном смягчении именно этих пунктов, от которых в окончательной редакции остались лишь туманные намеки. «Рабство» признавалось в «Наказе» институтом необходимым, и указывалось лишь на то, что законы должны отвращать злоупотребления рабовладельческой властью (ст. 254). Екатерина высказывалась прямо против отмены крепостного права через узаконение: «не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных», — так гласит ст. 260 «Наказа». В отвращение же злоупотреблений господской властью в «Наказе» предлагается лишь устанавливать опеки над помещиками, мучительствующими над крестьянами, — мера, которая была узаконена еще Петром Великим. А вместо определенного признания за крепостными права собственности на движи-

мость, в окончательной редакции «Наказа» Екатерина ограничилась лишь туманным намеком: «законы могут определить нечто полезное для собственного рабов имущества» (ст. 261). Наконец, вместо установления в законе определенной нормы размера крепостных повинностей и оброков в окончательной редакции «Наказа» находим лишь пожелания, чтобы помещикам было предписано «с рассмотрением располагать на крестьян поборы и подвергать крестьянина отбывание лишь таких повинностей, которые не отвлекали бы его от дома и семьи».

Все вышеизложенное, думается мне, приводит к необходимости признать, что распространенная легенда о резком переломе в ходе политики Екатерины, о резком несоответствии ее законодательства во вторую половину царствования с ее первоначальными планами, что легенда эта не подтверждается историческими данными.

Нельзя, конечно, отрицать, что в ее законодательных мероприятиях 70-х и 80-х годов сыграли свою роль впечатления от текущих событий, например от пугачевщины. Но влияние этих событий выразилось не в изменении общего направления ее законодательной программы, а лишь в дальнейшем обострении ее настроений в духе того самого направления, которое открывается в основе ее политики с самого начала ее царствования.

